

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ КЪ ЖУРНАЛУ „НИВА“

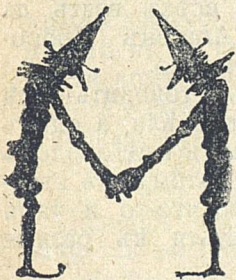
№ ДЛЯ ДЪТЕЙ 7

Самоварная
шипѣлка.

Сказка Из. Пуни, съ рисунками К. Богуславской.

I.

Много лѣтъ тому назадъ въ одной странѣ жилъ-былъ король Агаѳонъ Добродушный. Онъ былъ толстенькій и добрый, но ужасно разсѣянный: на улицу погулять захочетъ выйти—ничего не можетъ найти, ни короны, ни зонтика.

Ищутъ, ищутъ всѣ придворные, наконецъ найдутъ корону гдѣ-нибудь подъ кроватью, а зонтикъ въ буфетѣ.

Оказывается, это Агаѳонъ Добродушный ихъ туда по разсѣянности запихалъ.

Главнымъ занятіемъ короля было спасать мухъ отъ липкой бумаги.

Ходитъ цѣлый день по дворцу, мухъ от-

клеиваетъ, а потомъ ихъ крылышки моетъ теплой водой изъ полоскательницы.

А по пятамъ за нимъ шагаетъ придворный историкъ и записываетъ, сколько его величество мухъ спасъ да таракановъ со спинки на ноги перевернулъ.

Подданные, конечно, страшно любили такого добраго короля, и когда онъ раннимъ утромъ, въ ночномъ колпакѣ, высовывался изъ окна подышать свѣжимъ воздухомъ, то весь городъ его радостно привѣтствовалъ.

А если ему случалось при этомъ чихнуть, то прохожіе вѣжливо снимали шляпы и желали здравствовать, а изъ караульной будки выскакивали солдаты и гаркали:

— Здр-р-авія желаю!!

Король жилъ да поживалъ, пока такъ свою корону не засунулъ, что ужъ никакъ не найти: захотѣлъ вечеромъ погулять пойти, и нечего на голову надѣть.

Нѣтъ нигдѣ короны!

Весь домъ вверхъ дномъ поставили!

Всѣ принялись искать,—королева, королевны, всѣ придворные,—но нигдѣ не нашли, и пришлось королю дома сидѣть.

Сидитъ передъ зеркаломъ и примѣриваетъ шляпы разныхъ фасоновъ, и ни одна ему не нравится, вотъ подавай ему да подавай корону, откуда хочешь. Не ходитъ же ему, царю, въ картузѣ.

Всѣ придворные съ ногъ сбились, а король день ото дня все пуще сердится.

Сталъ капризничать, похудѣлъ даже и кушать пересталъ, и ничѣмъ на него не угодить.

Ко всѣмъ придираться принялся,—главнаго министра прогналъ за совершенные пустяки: за то, что, когда ѣстъ, у него крошки въ бородѣ застреваютъ.

Вотъ время идетъ, короны нигдѣ не найти, а король все дома сидитъ, никуда не выходитъ.

И все больше худѣетъ и капризничаетъ.

Наконецъ придумалъ созвать на государственный совѣтъ всѣхъ колдуновъ и волшебниковъ своего царства:—пусть корону ищутъ.

Напечаталъ сто штукъ приказовъ и велѣлъ ихъ расклеить по всей странѣ.

И этихъ ста штукъ вполнѣ было довольно, такъ какъ королевство у него было маленькое.

Весь заборъ, которымъ королевство было огорожено, позаклеили, на дома клеили, куда попало, и когда уже мѣста не оставалось, такъ стали клеить прямо на спины прохожимъ, на извозчиковъ, на лошадей, и Богъ еще знаетъ куда.

Это ужъ, конечно, не особенно-то хорошо было: кому пріятно, чтобы его съ ногъ до головы афишами обклеили? Самому-то тогда этой афиши никакъ не прочесть.

Ну такъ вотъ, какъ только поразвѣсили это объявленіе, такъ и потянулись со всѣхъ сторонъ колдуны да волшебники.

Идутъ, бредутъ, ни одного одинаковаго—всѣ разные: одинъ высокій, какъ домъ, другой кругленькій, какъ мячикъ. Были еще какіе-то четырехугольные, у иныхъ изъ носовъ шель дымъ съ шипѣньемъ, какъ у паровой конки. Кто задомъ пятится, кто колесомъ идетъ. А нѣкоторые даже верхомъ на метлахъ ѣхали, прямо по воздуху—это тѣ, что подальше жили и боялись опоздать къ сѣзду.

Вотъ собрались всѣ передъ дворцомъ, и выходитъ къ нимъ король и говоритъ:

— Я васъ всѣхъ созвалъ на государственный совѣтъ...—и задумался, позабылъ, что надо дальше говорить.

— Кукареку!—крикнулъ вдругъ самый высокій колдунъ басомъ.

— Не смѣть меня перебивать!—закричалъ король.

— Кхи!—пискнулъ въ отвѣтъ маленькій кругленькій волшебникъ и, выпуча глаза, завертѣлся волчкомъ.

— Слѣдовало бы васъ всѣхъ взять да повѣсить!—разсердился Агаѣонъ Добродушный,—но я такъ добръ, что...

Тутъ ему совсѣмъ не дали говорить—всѣ они вдругъ зафыркали, зашипѣли, а одинъ заворочалъ глазами, почесалъ подбородокъ и превратился въ мышъ, потомъ въ стоячую лампу, потомъ еще во что-то и такъ не переставалъ превращаться въ разные предметы.

Тогда король окончательно разсердился, затопалъ ногами, сломалъ зонтикъ и велѣлъ всѣхъ волшебниковъ запереть въ чуланъ и ничего имъ ѣсть не давать 30 дней. И кофе не давать. И горячаго молока тоже нельзя.

А потомъ пошелъ къ себѣ въ кабинетъ и отъ огорченія и разсѣянности сѣлъ на липкій листъ съ мухами.

II.

Вот сидят волшебники въ чуланѣ и дожидаются, что имъ сегодня на обѣдъ дадутъ.

Ждутъ часъ, два, три... день наконецъ просидѣли, другой,—нѣтъ обѣда. Простымъ людямъ, понятно, плохо бы пришлось, не только сладкаго не даютъ, а даже и вовсе нечего ѣсть. Но они были волшебники и потому устроились великолѣпно. Захотятъ кушать, возьмутъ да и превратятъ какую-нибудь щепку или спичечницу въ бутербродъ или куриную котлетку и покушаютъ за королевское здоровье.

Такъ и сидѣли взаперти и все колдовали—наконецъ все, что въ чуланѣ было, въ бутерброды превращали и съѣли, ничего не осталось, ни щепочки, ни пуговицы...

Самоваръ въ чуланѣ стоялъ—и тотъ съѣли, превративъ въ пирогъ съ морковью.

Сидятъ, исподтишка другъ на друга смотрятъ, сколько, молъ, изъ сосѣда тартинокъ выйдетъ... А до срока еще долго осталось, и ничего они еще королю не наколдовали.

Тогда они, по общему согласію, одного самого маленькаго колдуна превратили въ кофейникъ съ кофе. Кофе выпили, а на оставшейся кофейной гущѣ принялись гадать. Наконецъ кончили гадать и написали на потолокъ аршинными буквами:

Королевской короны мы не нашли, а если бы даже мы ее и нашли, то тутъ же ее и съѣли бы, какъ уже съѣли самоваръ и другія вещи, потому что были очень голодны.

Написали и исчезли, какъ сквозь землю провалились. А король все около двери похаживаетъ, слушаетъ. Наконецъ надоѣло ему ждать, вынулъ ключъ изъ кармана, открылъ дверь и остолбенѣлъ отъ изумленія—никого нѣтъ, пусто. Только кофейникъ посреди комнаты валяется.

— Ах-ах-ахъ! — закричалъ король.—Мошенники, куда же они дѣлись! И всю мебель, мошенники, унесли! И самовара даже нѣтъ, и его утащили!

Поднялъ глаза на потолокъ, поглядѣть, осталась ли хоть лампа, и уперся глазами въ объявленіе.

Тогда король разстроился свѣше всякой мѣры, сталъ шумѣть, топтать ногами, хотѣлъ гонцовъ за ними посылать, да только не зналъ, въ какую сторону.

А потомъ пошелъ и отъ огорченія спросилъ себѣ чаю,—захотѣлось ему чаю напиться,—а самовара-то и нѣтъ.

Дѣлать нечего, вышелъ онъ тогда на балконъ и объявилъ всѣмъ подданнымъ,

что имъ тоже запрещается чай пить: разъ король ѣстъ всухомятку, нечего и поданнымъ чаи распивать. А подданные толпятся предъ дворцомъ и кричатъ: „ур-ра“! Они рады были покричать по всякому поводу. Показалось королю, что подданные мало кричали, онъ обидѣлся, а королева, какъ нарочно, говоритъ:

— И хорошо, что перестали кричать, а то королевича Захарушку разбудили бы.

— Нѣтъ, нехорошо!—кричитъ король.

— Нѣтъ, хорошо!—кричитъ королева.

И такъ ссорились и шумѣли, пока королевичъ и на самомъ дѣлѣ не проснулся.

Ну тутъ ужъ пошло Богъ знаетъ что! Король съ королевой на няньку кричатъ, королевичъ кричитъ самъ по себѣ... Нянька накричала на младшую няньку, та на горничную, горничная на подгорничную... Всѣ придворные перессорились. Повара передрались кастрюльками, королю обѣдъ совсѣмъ испортили, и любимый королевскій соусъ старшему повару за воротъ вылили. И такъ все пошло плохо съ тѣхъ поръ во всемъ королевствѣ—прямо никакого покая не было. И день ото дня все хуже и хуже.

III.

Вотъ однажды сидитъ король у воротъ, сердитый-сердитый, и прохожихъ разсматриваетъ.

Видитъ, идетъ какой-то совсѣмъ неизвѣстный черненькій человѣчекъ съ самоваромъ на головѣ и кричитъ тонкимъ голосомъ:

— Музыка, музыка, хорошая музыка!

Король схватилъ его за фалду и говоритъ:

— Ты кто такой? Я тебя не знаю. Я всѣхъ въ своемъ королевствѣ знаю, а тебя не знаю.

— Я,—говоритъ человѣчекъ,—бродячій музыкантъ, по прозвищу Шипеліусъ, по имени Яковъ.

— Ага,—говоритъ король.—Это хорошо. Ну пусть мнѣ твой самоваръ споетъ что-нибудь бесплатно! А то мнѣ скучно. Страсть люблю, когда самовары поютъ.—И приготовился слушать.

— Мой самоваръ,—сказалъ музыкантъ, обидѣвшись,—бесплатно не поетъ. А цѣна у меня дешевая—всего только одно доброе слово, господинъ король, всего только одно слово.

Сталъ король раздумывать, какое бы такое слово сказать—ужъ онъ за это время всѣ добрыя слова позабылъ.

Но тутъ подошла королева и сказала доброе слово, не думавши:

— Здравствуй, милый человекъ!— сказала она.— Откуда тебя Богъ несетъ?

Тутъ вдругъ случилось что-то необычайное: у человека лицо вдругъ сморщилось, глазки сузились, и весь онъ сталъ похожъ на печеное яблоко. Закивалъ головой, засмѣялся, потомъ сунулъ носъ въ конфорку и вдругъ усѣлся на самоваръ.

Зафыркалъ, засвисталъ, зашипѣлъ и на глазахъ у всѣхъ сталъ быстро уменьшаться, пока не сдѣлался такой маленькій, что свободно влѣзъ въ самоваръ.

И вотъ самоваръ сразу, самъ собой, наполнился горячей водой и весело зашипѣлъ, запѣлъ удивительно-пріятную пѣсенку. И сразу стало уютно и весело.

Наслѣдникъ заулыбался и пересталъ капризничать. Король благодушно пилъ чай съ вареньемъ, а королева вязала чулокъ и увѣряла, что никогда она не занималась рукодѣльемъ съ такимъ удовольствіемъ.

— Ахъ!—вздыхнулъ король, когда самоваръ кончилъ свою пѣсенку и Шипеліусъ высунулъ, улыбаясь, свой носъ изъ конфорки.—Удивительно-пріятное пѣніе! Жаль только, что я словъ разобрать не могъ, но все же удивительно-пріятная пѣсенка.

И такъ были всѣ довольны, что захотѣлъ король оставить Якова Шипеліуса у себя.

— Я назначу тебя Придворнымъ Профессоромъ Пѣнія,—сказалъ онъ Шипеліусу, а самовару пожалую званіе Придворнаго Оркестра, и когда кто-нибудь ко мнѣ въ гости зайдетъ, я тотчасъ же усажу его за столъ и заставлю слушать королевскій оркестръ.

— Нѣтъ, господинъ король,—сказалъ самоварный дѣдъ,—не хочу я у тебя жить, не желаю тѣшить тебя своими пѣснями. Ты можешь себѣ и музыкантовъ нанять, у тебя денегъ много. А я пойду къ бѣднякамъ, къ горемыкамъ, у которыхъ только и радости, только и музыки, что самоварное пѣніе.

И, вѣжливо поклонившись, ушелъ, и вотъ по всему королевству, въ каждомъ, даже самомъ маленькомъ, домикѣ весело и уютно закипѣлъ самоваръ. Нѣтъ такого самовара, куда не забѣжалъ бы хоть на минуту Шипеліусъ.

И, слушая его пѣсню, никто ни съ кѣмъ не ссорится, всѣ довольны и веселы, знай себѣ только кушаютъ да чай пьютъ.

Дѣти слушаются старшихъ и спать вовремя ложатся.

САМОВАРНЫЙ ДѢДЪ.

Изъ большого самовара,
Напѣвая, какъ сверчокъ,
Въ синеватыхъ струйкахъ пара
Вылѣзаетъ старичокъ.
Онъ съ надутыми щеками,
Громко булькаетъ, пыхтитъ;
Глазки тлѣютъ угольками,
Трубка мѣдная дымитъ.

Напѣваетъ старикашка:
„Разбужу я въ кухнѣ васъ!
Эй, горшокъ, салатникъ, чашка,
Начинайте рѣзвый плясъ!
Хлопни крышкою, кофейникъ,
Ступка, пестикомъ стучи!
Колесомъ, кувшинъ-затѣйникъ,
Съ верхней полки соскочи“.

На плитѣ уютногъ тяжелый
Загремѣлъ: „Плясать я радъ!
Не сплошай, старикъ веселый,
Заведи мнѣ пѣсню въ ладъ.“

Нынче я въ большомъ ударѣ...
Эй, Желѣзная Нога,—
Выступай со мною въ парѣ,
Грохотунья-кочерга!“

Звякнувъ, брякнувъ, сковородки
Поскакали всѣ заразъ,
И юлою посередкѣ
Закружился мѣдный тазъ.
Двѣ кастрюли пляшутъ валко,
Дребезжитъ надутый чанъ.
Изловчась, вертунья-скалка
Бьетъ въ котелъ, какъ въ барабанъ.

Тараканы-длинноусы
Разбѣжались по угламъ
И ворчатъ: „хоть мы не трусы,
Да спастись надо намъ!“—
Звонъ стеклянный, шумъ чугунный!..
— Поваръ, въ шелку посмотри:
Веселится ночью лунной
Наша кухня до зари.

Марія Пожарова.